

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ)

NATIONAL AND CULTURAL SEMANTICS OF THE TEXT (BASED ON THE WORKS OF RUSSIAN WRITERS)

F. Aliyeva

Annotation

In this article attention is paid to the fact on how text and textual formations take place in the system of linguocultural assimilation of the Russian world (based on the works of Russian writers); they either include units with national and cultural semantics (lexemes, phraseological units, etc.) or inform indirectly about historical, social, moral and ethical categories, related to the Russian character, way of life and so on.

Keywords: national and ethno-cultural content, microtext, national and cultural semantics, linguoculturological commentary of the text.

Алиева Фидан Афиз гызы
Докторант, Бакинский
славянский университет,
г. Баку, Азербайджан

Аннотация

В статье уделяется внимание месту текста и текстовых образований в системе культурной ассимиляции русского мира (на основе произведений русских писателей); они либо включают в себя блоки с национальной и культурной семантикой (лексем, фразеологизмов и т.д.), или косвенно сообщают об исторических, социальных, моральных и этических категориях, связанных с русским характером, образом жизни и т. д.

Ключевые слова:

Национально-этнокультурологическое содержание, микротекст, национально-культурная семантика, лингвокультурологические комментарии текста.

Язык в своем функционально-прагматическом и семантическом воплощении реализуется прежде всего в различных текстах. Рассмотрение такой фронтальной проблемы как лингвострановедение или лингвокультурология, на наш взгляд, не может быть исчерпывающим, пока эта проблема не будет проектирована на уровне целостного текста. Языковые единицы, имеющие национально-культурную семантику, естественно, могут и представляют себя как ячейки, заряженные этой семантикой.

Лексемы (антропонимы, номенклатурные и прочие обозначения), сочетания слов, обозначающие национально-культурные ценности, предложеньеские конструкции, фразеологизмы и всевозможные пословично-поговорочные единицы, обладающие национально-этнокультурологическим содержанием (как лингво-странокультурологические знаки) прежде всего участвуют в структурировании текстов, т.е. синтаксических организаций более сложного порядка, чем они сами.

Понимая теоретические сложности, связанные с определением понятия-категории "текст", принимаем рабочую гипотезу квалификации текста: "Устный или письменный отрезок речи более чем одно предложение", т.е. целостное произведение речи, обладающее единой темой и определенной синтаксической структурой, в которой предложения составляют системно-последователь-

ные элементы. "Авторы новейших зарубежных подходов, – отмечает К.А.Филиппов, – связывают воедино внутреннее и внешние текстовые признаки. Термином "текст" они называют когнитивно, грамматически... и просодически структурированный результат устного или письменного действия процедурнта, в котором выражена контекстная и адресатная соотнесенность..." [7, с.65].

Под такое определение подпадают как макротексты (текст, например романа "Тихий Дон" или повести "Казаки", текст отдельных глав и частей художественных произведений и т.д.), так и микротексты – фрагменты больших текстов, т.е. такие фрагменты, которые имеют единую тему, синтаксически организованные по правилам данного языка и логики последовательности мыслей.

Так, например, в повести В.Распутина "Дочь Ивана, мать Ивана" есть такой фрагмент (микротекст):

– Ну, это ты зря, Тамара Ивановна.

Это словно клавиши музыкального инструмента – то, как мужа и жены в разные минуты обращаются друг к другу. Анатолий не часто, но называл все-таки иногда свою жену и Тамарой Ивановной – когда надо было с легкой дразнящей иронией приподнять имя к "Ея Величеству"; называл просто Тамарой – в ровные, безоблачные будни, напоминающие о молодости; и "мать" говорил при детях, как это с возрастом бывает у многих, и "голубушка" – чтобы внешне безобидным, но чувствительным скреб-

ком снять лишнюю накипь, и "подругой дней моих счастливых" – когда счастья хотелось больше и лучшего качества.... Тамара Ивановна называла его то Толей, то Толяном, то "отцом", то – очень редко и вне себя – "супругом", точно предьявляла свидетельство о браке, которое может быть выброшено. Вот и теперь Анатолий выбрал "Тамару Ивановну" – стало быть, имел к ее мнению нешуточные претензии [В.Распутин. Дочь Ивана, мать Ивана, ч.2].

Как видно, микротекст организован на базе описания целостной картины исторически сложившейся "структуры отношений" между женой и мужем в обычных, нормальных русских семьях. И эта "структура отношений" от мажорно-веселой до минорно-холодной коннотативной системы располагается как по шкале того или иного образования жены или мужа – ласкового "голубушка" или презрительно иронического "жена!".

Отмеченный каскад обращений составляет материальную часть описания, т.е. квалификаторы-объекты этого описания. Темой же микротекста является система и структура реальных обозначений реальных повседневных отношений между супругами в русской семье, т.е. культура человеческих взаимоотношений, проявления которых номинируются по-разному в зависимости от социальных условий.

В тексте (микротексте) раскрывается основа родительских "душевных проявлений", этнокультурно специфическая для русской семьи. Сам этот микротекст может быть объектом лингвокультурологического анализа именно в пределах тех обозначений, которые являются в данном тексте ключевыми – раскрывающими поверхностное содержание текста с одной стороны, и задействующие механизмы фоновых знаний о русской жизни: "подруга дней моих счастливых" обозначает то состояние, которое объясняется автором и которое понимается "средним читателем" поверхностно ("когда счастья хотелось больше и лучшего качества"). Это же обозначение отсылает невольно подготовленного читателя к подвалам русской классической поэзии, в данном случае к пушкинской строке "подруга дней моих суровых". Таким образом, строка обладает двухъярусным строением, оба яруса лингвокультурологически оснащены по-своему – один на видимой поверхности, другой – на уровне так называемого вертикального текста.

А это означает, что из текстовых образований лингвокультурологических возможностей в любом случае больше, чем у отдельных лексико-синтаксических единиц. Это особенно явственно проявляется в тех случаях, когда текст (микротекст – отрывок) включает лингвокультурологически заряженные элементы как на поверхности структуры текста, так и на глубинном (фоновом уровне).

Так, отрывок с главной темой "способы названий произведений Э.Хемингуэя" включает компоненты: У него (Хемингуэя) вообще все названия – цитаты: "По ком звонит колокол", "Иметь и не иметь", "И восходит солнце" – то есть это бывшие эпитафии девятнадцатого века – теперь названия. "Анна Каренина", по Хемингуэю, называлась

бы "Мне отмщение" или "Аз воздам". [А.Битов. Пушкинский дом. гл. Герой нашего времени].

Данный текст во второй части включает информацию о романе "Анна Каренина"; информация имеет три слоя национально-культурной семантики в данном тексте: 1. Это роман великого русского писателя Л.Толстого; 2. Хемингуэй, который свои произведения называл цитатами (т.е. по-нашему, прецедентными текстами – А.Ф.), хотел бы назвать "Анну Каренину" "Мне отмщение" и т.п. потому что – это ключевой момент – роман Л.Толстого имеет общий эпитаграф "Мне отмщение; аз воздам". 3. Эпитаграф этот – изречение из Библии: "У меня отмщение и воздаяние, когда поколеблется нога их... [Второзаконие, гл.32]. Эти слова были повторены и в "Послании к римлянам" апостола Павла в форме: "Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: "Мне отмщение, аз воздам" – говорит Господь [Послание к римлянам, гл.12.].

Неподготовленный читатель понял бы в первом слое информацию о том, что есть у русского писателя такой роман и Хемингуэй хотел бы его назвать так-то. Почему именно "Мне отмщение", (второй слой знаний), может понять лишь читатель, знающий, что роман начинается с этого эпитаграфа.

Однако самым подготовленным окажется читатель, понимающий все три слоя информации, скрытой в микротексте из романа "Пушкинский дом". Национально-культурная семантика, принадлежащая микротексту и имеющая три степени "сокрытия", состоит, таким образом, из единства отмеченных слоев информации. И полную картину смысла текста может себе представить лишь читатель, имеющий особую подготовку вплоть до понимания смысла эпитаграфа – "Только я имею право наказывать и я накажу" (в смысле "все люди грешны: грешники не имеют права наказывать себе подобных, право на наказание дано только мне").

Весь этот комплекс знаний составляет базу для лингвокультурологических комментариев данного текста, требующего, конечно, особой подготовки от преподавателя. Поэтому одной из существенных задач, стоящих перед лингвометодистами является задача систематических поисков лингвострановедчески насыщенных и лингвокультурологически значимых текстов для анализа при обучении русскому языку не только иностранцев, но и современного русского учащегося. Адекватное осмысление и прочтение национально-культурно заряженных текстов – "вопрос чрезвычайно важный для лингвострановедческого аспекта преподавания русского языка" [3, с.140].

Не все предложения-высказывания (простые, сложные) одинаково информативны в плане страноведческой оснащенности. Это общеизвестно. Но общеизвестно и то, что данная характеристика касается и макро-микротекстов. Не во всех текстах видно автора (он может быть с "говорящей" или "неговорящей" фамилией),

не всегда ясно, как относится автор к тому факту, который он описывает (авторская модальность); даже не во всех текстах видно, где происходит события, описываемые в тексте. С этой точки зрения и тексты разделяются на "говорящие" (с трехслойной информацией) и "неговорящие" – нейтральные как в плане историографии, так и лингвокультурологическом.

Здесь должно быть отмечено еще одно явление: функционально жанровые особенности текста. В публицистических текстах, например, авторская модальность, его отношение (негативное, позитивное, сатирико-ироническое и т.п.) практически находится на поверхности текста, в котором описывается факт из жизни страны. В художественных текстах (если рассказ не идет от первого лица-автора) авторская позиция сокрыта в общей идее произведения, его отношение приходится "вычислять" при необходимости.

По этой причине публицистические произведения составляют более прозрачные тексты в лингво-странокультурологическом срезе. Так, например, известно, что а) В.Распутин – русский писатель, сибиряк, живущий по принципам "где родился, там и пригодился" (по модели М.Шолохова, А.Калинина и т.п.), б) выступающий на самых значительных государственных соборных органах в защиту Сибири, против экологического уничтожения Байкала, против неоправданного заселения китайцами Иркутской, Тобольской областей, против мошеннического разбазаривания русской сибирской тайги и т.д., в) написавший несколько художественных произведений, в которых с болью на душе взывает к силам рачительного отношения к Сибири...

В публицистическом цикле В.Распутина "Сибирь, Сибирь..." даже в самом названии чувствуется этот тяжелый вздох, душевное терзание автора. Поэтому любой отрывок из названного цикла предстает микротекстом с большим макромиром информации – по истории края, по обычаям и по тому, что там происходит сегодня...

...Долгое время бывший самой далекой окраиной из всех губернских центров, Иркутск, однако же, с самого начала встал так выгодно и удобно, что его не могли миновать ни водные, ни сухопутные, ни воздушные пути, ни торговые и промышленные лихорадки, ни политическая и реформаторская деятельность, ни дворцовые перевороты и революционные бури. Где бы ни происходило что – айкалось в Иркутске, в который или через который слали на каторгу и в ссылку потерпевших. Воистину это была подневольная Мекка: кого только не видывал на своем веку Иркутск, чьи имена навсегда остались в нашей истории, – и несчастных стрельцов в начале царствования Петра, и его любимца Ганнибала, гонимого другим любимцем – Меншиковым, который вскоре и сам последовал в Сибирь, и малолетнюю дочь казненного при Анне Иоановне Волынского, по имени тоже Анна, втайне содержавшуюся в Знаменском монастыре, но при Елизавет-

те Петровне высоко вознесенную при дворе, и многочисленных авантюристов разного толка, испытавших прочность власти и казны. Иркутск не миновали в своей громкой судьбе не знаменитый анархист Бакунин..., ни Радищев, ни Чернышевский, ни декабристы... [В.Распутин. Сибирь, Сибирь... гл.4].

Этот отрывок (микротекст), как видно, представляет энциклопедию: а) чувств и переживаний писателя В.Распутина-сибиряка по судьбам Сибири; б) истории монархической России, истории ее монархов; в) огромного государства в чисто территориальных границах (система ссылок и каторги); г) морально-нравственных устоев страны (ссылка декабристов, Чернышевского...); д) сложившихся сегодня отношений к этому сибирскому городу и т.д. и т.п.

Всю эту многогранную информацию трудно или просто невозможно передать одним предложением-фразой. Для этой цели, видимо, трудно подобрать более лаконичную языковую форму, способную адекватно выражать столь сложную лингво-страно-этно-культурную информацию в столь явном, поверхностном выражении.

В таком же ключе следует квалифицировать лингвокультурную насыщенность отрывка из романа "Пушкинский дом" А.Битова:

"Дядя Диккенс (Дмитрий Иванович Ювашов), или дядя Митя, прозванным Диккенсом лишь за то, что очень любил и перечитывал, и еще за то, что уже не на словах, – воевал во всех войнах, а в остальное время, за небольшими промежутками, – сидел. В первую мировую, прапорщиком, был он, значит, царский офицер, в гражданскую – вдруг стал красный командир, демобилизовался позже всех и было пошел по административно-научной части, но отбыл в Сибирь..., откуда, как кадровый офицер, был отозван на фронт, и отвоевал вторую мировую. Получилось, что квартиры у него не было: он дал ее "постоять" Одоевцевым, у которых после возвращения из эвакуации ничего... не было...".

Подобные микротексты (микротемы) удобны не только с точки зрения их поверхностного строения – информация в них двухслойная: та, которая читается в самом процессе чтения и та, которая прочитывается по сумме "ключевых понятий" (они в обоих текстах нами подчеркнуты), которые отсылают к фоновым категориям – историческим, сугубо культурологическим и т.п., т.е. создают этот более широкий исторический фон, без оптимального понимания которого данный текст теряет свое глубинное назначение, остается информация о том, что кого-то как-то называли, он сделал то-то..., и на этом фоне текст лишается всякого лингвокультурного значения и смысла.

Однако существует немало форм организации микротекста с "неординарным" строением. Это те тексты, которые имеют не один, а два фоновых расслоения (два информационных фона): "Так что не на Западе, а на родине

впервые публикуется оригинал книги. Еще одна посмертная отметина судьбы.

Жизнь Шостаковича, не та, что в произведениях, а прямая, живая, еще не закончена. Когда эту книгу прочтут все...

О, она, его жизнь, очень даже еще продолжится.

Это сказочное торжество! Человек боялся поведать миру тайну (а в наше время тайной стала правда), а тайна не умещалась в нем; он тогда выкопал в укромном месте ямочку и нашептал в нее; будто полегче стало; но из ямочки выросла тростиночка, пастушок срезал ее и сделал дудочку; тайное стало явным" [А.Битов. Мы проснулись в незнакомой стране. гл. Гулаг и мемориал Шостаковича].

Из поверхностного содержания микротекста ясно, что речь идет об известном композиторе – советском композиторе, о его книге-мемуаре, которому суждено было быть впервые опубликованном на Западе. За эту публикацию Шостакович подвергался гонениям в родной стране. После смерти "великого" композитора (так было написано в некрологе), мемуары вышли на русском языке.

Это первый слой информации. Второй слой информации составляет то, что в мемуарах своих композитор поведал миру о состоянии художника, творческого человека в Советской стране, поведал миру о правде, которую всеми силами скрывали от народа, от мира. Конкретно о чем идет речь, о каких фактах, из отрывка не понятно. Но факт раскрытия "тайны" – есть, и форма этого раскрытия тоже понятна – печатать мемуары втихомолку, для "отведения души". "Скандал с мемуарами Шостаковича... был так болезнен для власти. Недаром у нас любят только мертвых – мертвый уже не выскажется" – это своего рода комментарии к ситуации.

Но в микротексте есть факт иного рода – факт, описанный в духе постмодернистского сравнения: человек

не мог вынести груз тайны, выкопал ямочку и нашептал в нее...

Этот мотив сравнения уже уводит читателя в глубины мифологии, мифологического факта, связанного с жизнью фригийского царя Мидаса (VII до н.э.), глупого богача (до чего ни дотрагивался, все превращалось в золото). Он решил однажды спор между Аполлоном и Вакхом в пользу Вакха. За это Аполлон наказал Мидаса, снабдив его длинными ослиными ушами; Мидас всегда прятал уши под фригийскую шапку, и об этом знал только брадобрей его. Чтобы освободиться от тяготившей его тайны, брадобрей отправился к озеру, и, обратясь к близлежащему углублению, шепнул: у Мидаса ослиные уши. На другой год на этом месте вырос тростник, из которого пастушок сделал дудочку: она поведала о тайне Мидаса [4, с.552, т.1].

Данная глубинная информация уже, как видно, составляет 3-ий, низший слой культурологической семантики не непосредственно, а опосредованно – через сравнение попытки Шостаковича поведать миру правду с античным эквивалентным по смыслу сказанием, имеющим тот же концептуальный смысл: "все тайное станет явным".

Итак, мы представили некоторые образцы лингвокультурологического анализа микротекстов, оптимальных с точки зрения лингвометодики. Следует добавить, что подобные отрезки макротекстов являются достаточно информативными и вполне оптимальными как с точки зрения теоретического осмысления категорий лингвострановедения, так и с точки зрения лингвометодического их усвоения. Более того, микротексты как семантико-структурные построения вполне могут и должны стать объектом более объемного и системного их лингвокультурологического анализа. Здесь очень много интересных явлений и теоретического и сугубо лингвометодического порядка, которые, думается, составят в перспективе предмет наших исследовательских интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Битов А.Г. Мы проснулись в незнакомой стране. Л., Советский писатель, 1991, 160 с.
2. Битов А.Г. Пушкинский дом. М., Азбука, 2004, 512 с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Изд. 3-е. М., Русский язык, 1983, 268 с.
4. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. I-II т.т. М., Терра, 1994.
5. Распутин В.Г. Дочь Ивана, мать Ивана: Повести и рассказы. М., Эксмо, 2006.
6. Распутин В. Г. Сибирь, Сибирь. Иркутск: Артиздат, 2000, 256 с.
7. Филиппов К.А. Лингвистика текста. Изд. СПбГУ С-Пб., изд. 2-ое, 2007, 330 с.